

АЛЕКСАНДР ВЕРГЕЛИС

ОБЕЩАНИЕ СВЕТА

КНИГА СТИХОВ

Санкт-Петербург
2016

Вергелис А.

Обещание света: книга стихов. — СПб.: «Издательско-полиграфическая компания «КОСТА», 2016. — 92 с.

ISBN 978-5-91258-365-0

Александр Вергелис (р. 1977) – петербургский поэт, прозаик, эссеист. Автор книги стихов «В эпизодах». Лауреат премии журнала «Звезда» и российско-итальянской литературной премии «Бэлла».

В книгу «Обещание света» вошли стихотворения, написанные в 2010–2016 годах.

I

ISBN 978-5-91258-365-0

© А. Вергелис, 2016

© ИПК «КОСТА», оформление, 2016

* * *

Нет, наверное, рай — это все-таки город, не сад.
Что нам делать в саду, где унылые сливы висят?
На посмертный гамак променять эту улицу? Нет уж!

Я в кафе на углу буду вечность свою коротать,
обжигая гортань, буду с шелестом нежным листать
эту нашу земную — смешную словесную ветошь.

Если можно все книги с собой невозбранно в багаж
запихнуть, отбывая в последний и главный вояж,
если можно однажды обнять собеседников милых,

если с ними вдоль этих домов бесконечно идти,
в сувенирные лавки вторгаясь гурьбой по пути,
я поверю, что смерть — это только трава на могилах.

* * *

Чем же я заслужил
золото этих спиелей,
счастье, что без усилий
в дар получил, и жил

запросто на Неве
олухом и разиней
за пазухой у Трезини,
у Гоголя в рукаве?

И всё без трудов и жертв,
просто на честном слове.
Только по праву крови
нас осеняет ветвь

райская? Или все ж
будет и нам расплата
за красоту, когда-то
взятую в долг? Берешь

эту ограду, тот
мостик? А эта арка?
Кто-то следит из мрака,
строгий учет ведет.

Ниен

Усильем воображенья,
на пыльный взглянув макет,
ты все приведешь в движение —
и вот Петербурга нет.

А есть — городок у дальней
границы, за коей — сплошь
леса. Городка печальней,
наверное, не найдешь.

Кто в кирху идет молиться,
кто в лавку зеленщика.
В музейном тепле томится
пластмассовая река,

и в домик из пенопласта
спешит молодой герой —
его голова вихраста,
и шляпа его с дырой.

Еще не чужак Евгений,
но кто-то похожий. Что ж,
его ты от наводнений
грядущих удержишь,

оставив навечно в этом
игрушечном далеке
овеянным невским ветром,
с любовным письмом в руке.

* * *

И Малая Конюшенная улица,
и этот день с заплаканным лицом
привидятся когда-нибудь, почудятся
кому-нибудь когда-нибудь потом,

и кто-то посреди другого города,
иного века вдруг замедлит шаг
и загрустит без видимого повода,
как ты сейчас. Я сам не знаю, как

все это происходит в человеческой
неисследимой жизни, почему
мне гаванью вдруг показалась греческой
толпа на Невском? В гулкую корму

стучатся волны. Рослый раб под парусом
чему-то улыбается. Сейчас —
я Делосом божественным и Паросом
клянусь тебе — он тоже видит нас.

* * *

По улице Потемкинской в потемках
идешь от фонаря до фонаря,
ища фасад в коричневых потеках —
там черной арки рваная ноздря,
там в комнате под музыку плохую
ненужный разговор и водка ждет...
Туда, куда в такую ночь глухую
никто своей охотой не пойдет,
несешь свою тоску, свою обиду.
А между тем, достаточно свернуть
на улице Таврической — в Тавриду,
в Аркадию, еще куда-нибудь
сквозь облака... Там места нет обидам,
оттуда жизнь, упругая на вид,
твоя тебе покажется Аидом,
где с тенью тень печально говорит.

Герцена, 14

Мне часто снится сон: я вижу дом,
когда-то Сумасшедшим кораблем
по Петербу... по Ленинграду пливший.
Там первые свои двенадцать лет
я прожил, и во сне шепчу: «Привет!
Не узнаешь? Я — пассажир твой бывший».

Там общий коридор был столь велик,
что по нему, пожалуй, грузовик
проехать мог вдоль Мойки и на Невский
свернув, к Адмиралтейству напрямик,
поддавши газу, двинуться — в тупик
веселой повседневности советской.

Там Мариванна, в злобе трепеща,
плюет в котел соседского борща,
там я ношусь кентавром трехколесным
меж плит и рукомойников. Ура!
На булке — кабачковая икра.
И Палпетрович выглядит колоссом.

О, Мнемозина, свой грузинский чай
заваривай живее и включай
воспоминаний черно-белый телек.
— А хочешь — диафильмы прокручу?
— Хочу, хочу, но что за крики? — Чу...
То Адамян опять жену метелит.

Бог сохраняет все: блокадный снег,
кронштадтский лед... Тем паче, если век
осьмнадцатый сии чертоги помнят,
что им весь этот муравейник наш,
где туалет берут на абордаж
насельники двенадцатых комнат,

где Первомай под окнами плывет,
где самый добрый пьяница живет
и папиросы тырю без труда я
из пачки, на которой широка
страна родная и бежит река,
в Каспийское без устали впадая.

Прощай, Титаник ненаглядный мой,
не совладавший с мутною волной,
не одному тебе переломавшей
шпангоуты. Я тоже затону,
да что там я — весь мир идет ко дну,
ему сейчас не до печали нашей.

* * *

Двор в дожде как раковина звучит.
Вслушиваешься — ропот и шепот, и
что-то еще, бывающее в ночи,
если бессонница всюду сует свои
уши... Молчи и слушай. Молчи, молчи...

Даже не дождь, а так — лепетанье, плач,
сам себя слушающий, обращенный в слух
весь, словно сад, накинувший синий плащ
ночи на плечи... Желтый огонь потух
в дальнем окне. Всеслышащий, двор незряч.

У одиночества слух обострен, что страх.
Белые ночи в своем нецветном кино,
в опустошенных, вычерпанных мирах
видят себя... Нет силы закрыть окно.
Капают капли, шепчется влажный прах.

* * *

Бывает, выйдешь осенью во дворик
и вдруг поймешь, что воздух ледяной —
сплошной обман: он так пьяняще-горек,
так свеж — каким бывает лишь весной.

В ноздрах твоих тревожный запах прели,
и голый сквер молчит, красноречив.
Не в ноябре как будто, а в апреле
ты очутился, зиму проскочив.

И радостно, что перезимовали
с тобой кусты шиповника и клен,
который понимает ли? — едва ли,
что всё — галлюцинация и сон.

И ты стоишь растерянный, и дико
глядишь вокруг. Такой переполох,
как если б это юность-Эвридика
вернулась в жизнь, застав ее врасплох.

Нева

Мы спустимся туда,
где мировая влага,
как мятая бумага,
изломана. Вода

без усталости гранит
невозмутимый лижет.
Еще немного ближе,
и тоже будешь смит,

как брошенный на край
ступени этой скользкой
окуроч, папироской
когда-то бывший. Дай

и мне туда упасть,
от плеска волн дурья,
в Тритона или Нерее
распахнутую пасть.

Но не речным божкам,
не пузырям земли, а
гранитолобой Клио
принадлежит река.

И глаз не отведешь
от этой черной лавы,
в которой, сколь ни плавай,
как щепка пропадешь.

Офицерская, 57

Когда бы он вернулся в этот дом,
незрим для посетителя музея,
который, на портрет его глаза,
в ноздре беспечно шарил бы перстом,

но вдруг застыл, спиною ощутив
присутствие хозяина квартиры...
Напрасный труд — искать ориентиры
сто лет спустя. Но снова посетив

покинутое некогда жилье,
узнал бы он по нескольким приметам —
шкафам и прочим подлинным предметам
земное обиталище свое?

Узнал бы — из окна увидев дом,
в котором, как и прежде, окна *желты*.
Хоть страстное земное перешел ты,
но вид на Пряжку, скованную льдом,

вернет тебе забытое тепло,
забытый век на несколько мгновений,
и больше не останется сомнений,
что время никуда не утекло.

И снег пойдет. И в мировом снегу
тебе сквозь дым действительности тонкий
неоновый мираж бензоколонки
привидится на дальнем берегу.

Московский романс

Пустеет улица Тверская,
зажглись огни на Поварской.
В ночи, мигалкою сверкая,
летит уазик ментовской.

А в нём пацан простой и чёткий,
судьбу-уродину кляня,
глядит в оконце за решёткой
и видит пьяного меня —

как я иду по переходу,
беспечно треплется мотня,
как я несую свою свободу,
свободы этой не ценя;

как я гляжу перед собою,
но вижу не решётки сталь,
не дом с рекламой голубою,
а очарованную даль.

Но вот очнусь опять, и снова
по сторонам взгляну с тоской:
не слышно шуму городского,
горят огни на Поварской.

* * *

Ни элина, ни иудея —
одних детей степей и гор
везде, куда ни кинешь взор,
узришь на улице, балдея,

но привыкая понемногу.
Закон Истории суров.
Среди кибиток и шатров
ступаешь, поправляя тогу

смущённо. Не гляди тоскливо
на лик неведомых племён.
Не ты ль когда-то был влюблён
в уютные напевы Клио?

Воспой же времена другие
и будь доволен, милый мой,
что насладиться шаурмой
тебя позвали всеблагие.

* * *

Как хороша бессмыслицей своей
живая речь осины-недотроги,
и чем она бессвязней, тем сильнее
тревожат слух глухие монологи

взволнованных ветвей. Как хороша
невнятность этих шепотов... Похоже
тут чья-то отлетевшая душа
запуталась в листве. Но вот кого же

напоминает этот легкий шум?
Я вспоминаю старичка в берете,
что потерял довольно крепкий ум,
а с ним и ставку в университете.

Я раза три встречал его потом.
Он шелестел без умолку, и мог бы
быть чем угодно: ручейком, кустом,
неся в словах нелепость высшей пробы.

Кто разберет его речей сыр-бор?
Лишь та осина их поймет, похоже.
И я, пожалуй, встрял бы в разговор,
поскольку понимать их начал тоже...

Больница

В хозяйство Скворцова-Степанова,
боясь заблудиться в трех кленах,
опять приезжаешь, и заново
стоишь у дверей застекленных.

Кто знает — без повода важного
сюда никогда бы, наверно,
не съездил. Дворцы двухэтажные —
сплошной заповедник модерна!

Кто жил здесь тогда еще, в том еще,
покладистом веке, в прекрасных
теплицах витражных, где овощи
не зреют в усильях напрасных?

Пить воздух, привыкший к безумию,
и ждать, когда выведут снова
безрукую куколку-мумию
зачем-то к тебе на полслова...

В плену пеленанья так жестко ей,
так тесно в тоске этих окон!
И ясно, что бабочка броская
покинуть не сможет свой кокон.

* * *

Весна-француженка бежит по магазинам.
Мужьям, любовникам, влюбленным — нет спасенья!
Ах, март надушенный, румяный, привези нам
заморской сладости и нежного веселья.

Как будто не жил я еще, и в парфюмерном
стою растерянный, и в пальцах шапка мнется.
Гляжу в окно, где в мираже четырехмерном
в сосульках тающих засахарено солнце.

Скажи пожалуйста, куда еще идти нам?
Куда бежать с рублевым хрустиком сегодня?
Нам из сугроба машет красным серпантином
сухой скелет последней елки новогодней.

И снова кажется, что отдана на милость
нам эта улица, и этот мир в придачу,
поскольку снова жизнь весною притворилась
и улыбается. Притворно, не иначе.

* * *

Я шел по Петроградской стороне,
где май разбил бутылочку с духами,
где каждый дом стоял лицом ко мне,
и даже ветер задержал дыханье,

курчавый куст пошевелить боясь,
а может быть, разрушить опасаясь
двух жизней возникающую связь
и радости таинственную завязь.

Я шел себе и шел, как двадцать лет
тому назад вот так же шел, и так же
ловил щекой такой же нежный свет,
разглядывая дом пятиэтажный.

Я обернулся и увидел свой
автопортрет в чужой оконной раме
на Петроградской стороне, весной,
где чья-то юность мимо шла дворами,

в сознание превосходства своего
над веком, что прилип к ее подошвам,
о будущем не зная ничего
и никогда не думая о прошлом.

* * *

Договоримся: жить и не строить планов,
надежд не питать, не рассчитывать на взаимность.
Жизнь равнодушно меж трезвых пройдет и пьяных.
Договоримся: от будущих не зависеть

дней, никогда не мозолить глаза невнятной
далью грядущей, где встречи и расставанья.
Жить перспективой? Пожалуйста. Но — обратной,
чтобы большое не виделось на расстоянии.

Где этот мир, распадающийся на части?
Только пейзаж за окном, да и тот зашторен.
Договоримся же не говорить о счастье.
Есть ли оно? На что нам оно? За что нам?

В прихожей

Лиде

Она подошла и швырнула в меня кольцом.
Бросила: «Уходи» как бы между прочим.
Ну, назвала бы сволочью, подлецом,
крикнула что-нибудь, надавав пощечин...

Но — ничего. И я понял, что всё всерьёз.
Некто маячил в зеркале, был он жалок
и улыбался растерянно. Так, без слёз,
без содроганий, всхлипываний, без жалоб

рушилась жизнь, раскальваясь на две
полые половинки, на *до* и *после*.
Первые льдины медленно по Неве
плыли, зима расположилась возле

города, выжидая. Свели мосты.
...И из провала страшного, из пробела,
из глубины кромешной, из пустоты
ты, еще не родившаяся, глядела.

* * *

Веронике

Мелькают лица в пластиковой раме
и этот мир летит в тартарары.
Но где-то есть — под нами ли, над нами —
иные, параллельные миры.

Никак не оторваться от экрана.
Наверно, там всё так же, как у нас:
ложатся поздно, вскакивают рано,
в подъезде мусор, а в квартире газ...

— Переключи, пожалуйста, нет мочи
всё это слушать... Впрочем, спать пора.
Как хочешь, я пошла. Спокойной ночи.
И не засиживайся до утра.

...«Спокойной но...», — из жизни параллельной
летят слова, я их едва ловлю.
...Но где-то мир сияет во Вселенной,
где я тебя жалею и люблю

не так, как здесь, развинченно и снуло,
с поправкой на давление и быт.
На кнопку «off» нажав, встаешь со стула,
глядишь в окно, а там — звезда горит.

* * *

Тревожная, злая, сырая
растаяла ночь. Из окна
чугунная изгородь рая
под розовым небом видна.
Давай посидим, дорогая!
Такая кругом тишина...

Давай никуда не поедем.
Давай ничего не менять.
Как сладко, наверно, соседям
в предутренних сумерках спать.
Каким-нибудь зимним медведям
так спится в тайге. Благодать!

А хочешь, заботы простые
на добрых домашних богов
оставив, в пространства пустые
войдем, где пустых берегов
гранитные спины застыли
в предчувствии наших шагов?

Ты скажешь: ни слова, ни слова,
давай помолчим... А вон то
над крышами облако, словно
слетевшее с кисти Ватто,
всё знает о нас, безусловно,
иной тишиной налито.

Венеция

Каждое утро я брился и надевал
лучшее из того, что, вывалив на диван
из чемодана в номере, под уют
клат, и старался выдавить свой испуг,
выгладить оторопь, выжечь смятенье в дым.
Так по утрам я готовился к встрече с ним,
с городом, укрывающимся водой,
как одеялом, с городом, где другой
город-утопленник видится сквозь щелку
камня. Я помню каждую встречу ту.

Но до сих пор, хотя не об этом речь,
я не уверен в реальности этих встреч.
Брился, душился, выглядел, как пижон...
Как вообще можно встретиться с миражом,
с тем, чего нет на свете? Поскольку быть
это никак не может, а может всплыть
из ниоткуда, из тысячелетних грёз,
не заставляя себя принимать всерьёз,
не обещая снова тебя позвать,
в воду небытия уходя опять.

* * *

Еще весна со мной наедине,
и жизнь сама как будто не устала
любить меня, и зеленеет мне
вода венецианского канала.

Еще душа хозяйски смотрит на
открытые пространства, и зачем-то
еще перебирает имена
знакомых из эпохи Кватроченто.

Как будто видит в небе добрый знак
и высших истин отблески и всплески,
и открывает будущее, как
прямую перспективу Брунеллески.

Волхов

Едва ль о варяжских драккарах,
весёлых ушкуях, ладьях,
и о пароходах, хоть пар их
ещё не рассеялся... Ах,

едва ли он помнит. Не вспомнит
и станцию эту, когда
пройдёт пятьдесят или сто лет,
и скроет руины вода.

Здесь что-то другое, наверно,
воздвигнут — мощней и стройней,
и новая гидроинферна
даст свет просветлённой стране.

А может, здесь будет навеки
бескрайняя хвойная даль,
и медленный, о человеке
едва ли он вспомнит. Едва ль.

* * *

Мы рая представить не можем.
Каков он? А если не сад,
а город? Такой же, положим,
как этот?

Вернуться назад,
пройтись по извилистым, узким,
у ратуши вновь постоять...

И снова — туристом, и русским,
наверное, лучше опять —

стесняющимся, виноватым
за что-то и вечно чужим
его миражам и закатам,
которыми так дорожим

при жизни (пока еще этой),
вдоль улиц тенями скользя,
последней дымя сигаретой,
и зная: вернуться нельзя.

* * *

Святой Себастьян со стрелой в животе,
Лаврентий с решеткой железной,
Андрей на кресте и безвестные те,
висящие в рамах над бездной...

Зачем эта нежная зелень плаща,
румянца внезапная алость?
Чтоб истый эстет понимал, трепеща:
для этого все затевалось.

Для этого крови и лимфы возня
уняться не может доньше.
Народу-то сколько! Орет солдатня,
кого-то казнят на картине.

А там беседуют ангелы, им
как будто и вовсе нет дела
до этих разборок. И Бог, нелюдим,
ступает меж нами несмело.

Саркофаг римлянина

А удивился б он, когда однажды,
как ночью по нужде или от жажды
с постели встал, покинул ящик свой,
облекшись плотью, словно простыней!

«Рим кончился», — сказал бы он, глаза
на каменные соты Колизея,
где варвары роятся и жужжат,
в пыли огрызки мрамора лежат.

Пока в Аиде беглеца отыщут...
Туристы указательными тычут
и мыльницами щелкают, а он,
плутая, забредает в Пантеон.

Дом невредим, но нет знакомых статуй...
На досках лики, на столбе распятый,
Не тот ли? Да, тот самый... Так кому
теперь молиться? Видимо — ему.

Он шепчет: «Как усну теперь? Какие
приснятся сны? Где стены городские?
Где лупанарий, термы? Ну, скажи!»
Другая явь. Другие миражи.

Но сон кошмарный кончится. Ни страха,
ни горечи. И эта горстка праха,
развеянная временем, опять
в забвении спокойно будет спать.

Нам — саркофаг разглядывать в музее.
Ему — орать на играх в Колизее.
Империя незыблема. А мы —
лишь сон нелепый. Порожденье тьмы.

Стрип-бар

Полуголое тело сквозь дым
различаешь и думаешь, млея,
что, наверно, вот так же пред ним
раздевала себя Саломея.

Нет, не демон его танцевал,
не лукавая дочка Ваала —
этот танец семи покрывал
вот такая же б... исполняла.

Раз, два, три! Оголяется низ...
В многоглазом прокуренном зале
Саломея танцует стриптиз
третью тысячу лет. В наказание

ей вертеться ещё у шеста
до тех пор, пока мир не остынет.
Но иссохшие шепчут уста:
«Лучше камнем валяться в пустыне,

лучше илом слоиться на дне
позабытого Мёртвого моря,
чем гореть в этом адском огне,
нескончаемой музыке вторя

нежным телом, которому в прах
не дано превратиться, покуда
пьяный Ирод, последний в веках
не уйдёт, утомлённый, отсюда».

* * *

Зверь из бездны выйдет на нас, урча —
не поможет мальчик с пращой.
Нас пожрет железная саранча,
будет мор, и что там еще?

Пустоты грядущее торжество...
Или все свершилось давно?
Только мы не поняли ничего —
улыбаемся, пьем вино.

Пропустили шоу, сойдя во мрак,
и в уюте своих могил
говорим о конце, не услышав, как
ангел огненный протрубил.

* * *

С гвоздем возился Иоанн,
скользили клещи.
Зрачки и пятна рваных ран
чернели резче.
Озноб, сомнения, туман.
Простые вещи.

— Ну что ты мешкаешь? Быстрей!
— Веревки туги.
То ль мытарь, то ли брадобрей
взопрел с натуги.
Другой — то ль грек, то ль иудей
дрожит в испуге.

Тот недоверчив, этот глуп,
а этот робок.
Уставясь на тяжелый труп,
стоят бок о бок.
Слова застыли между губ,
как между скобок.

Он шел, невозмутимо тих
под сводом млечным.
Он звал не избранных — любых,
Он первым встречным
шептал, смущая души их,
о Царстве вечном.

Он понимал, смотря в тоске
на эти лица:
учителю в ученике
не претвориться...
Всходило солнце. Вдалеке
запела птица.

Орфей и Эвридика

Они дошли. Он выдержал экзамен —
не обернулся — и теперь стоял,
вбирая свет отвыкшими глазами
у дерева в тени знакомых скал.

Она, уже не будучи введомой,
дышала рядом, местности земной
не узнавая. Он сказал: «Мы дома.
Мы будем жить. Иди, иди за мной!»

Пространство, время, сила притяженья
ей открывались заново, цвета
и ароматы... «Головокруженье —
вот что такое жизнь», — ее уста

шептали, и: «Любимая, живая», —
его уста шептали ей в ответ,
еще смеясь, еще не понимая,
что для нее назад дороги нет

и что душа не расстается с адом,
познав его безмолвие и тьму.
...Он все еще был с ней — рукой и взглядом.
Но женщина, что шла покорно рядом,
уже принадлежала не ему.

* * *

В какой-нибудь надцатый Новый год
идешь домой, веселый и усталый,
немножко холостой еще... так вот —
идешь и припечатываешь талый

снежок... готовый двадцать тысяч лье
вот так проплыть
таинственную лодкой,
наполненный салатом «оливье»,
восторгами, сомненьями и водкой.

Ни криков, ни пальбы. Завершена
в честь Хроноса и смерти канонада.
Вокруг тебя такая тишина,
что больше ничего уже не надо.

В снегу автомобили — как слоны,
удавами проглоченные, — помнишь?
И медленные хлопья тишины
тебе в ладонь ложатся. Их на помощь

нам посылают с неба — как вон ту
мигающую елочку в окошке.
Она стоит как будто на посту,
пока все спит, и праздничные крошки
доклевывает месяц на лету.

* * *

Необъяснимая, та самая,
картавым тенором воспетая,
побудь со мной еще, тоска моя,
о чем-то всхлипывая, сетуя.

Веди меня тропой исхоженной
там, где кораблик вроде вымпела,
чтобы другая, непохожая
на жизнь, тоска меня не выпила,

чтоб плыли по Неве фонарики
ночных корабликов прогулочных,
чтобы, как в детстве, брали на руки,
и в сумеречных переулочках

несли куда-то, полуспящего,
меня сквозь дымчатое кружево
таинственного настоящего,
невероятного грядущего.

II

* * *

Какое безумье — на дачу зимой
приехать, и в сумрак уткнуться немой
(как рано темнеет, однако).
Какое кощунство — войти в этот дом,
обложенный снегом и скованный льдом,
и сесть посреди полумрака

в доспехах из пуха и ваты — смотреть
на весь этот ужас и думать, что смерть
имеет фамильное сходство
с зимою (так страшен не тающий снег
на этих ботинках) — вот тут человек
теряет свое превосходство

над миром прирученным, дачным — таким,
каким он придуман тобой, городским
мечтателем, севшим в июле
на стул со стаканчиком морса в руке...
Но кто этот умник, в январской тоске
сидящий на этом же стуле?

* * *

О жизни — мне ли знать! А смерть —
как обворованная дача.
Через разбитое окно сугроб на кухне намело.
А в комнате... Туда смотреть
не хочется, но чуть не плача,
узнать придется всё равно тебе, что время утекло,

распахнут шкаф, повален стул,
и пахнет пылью и мышами
там, где когда-то мы с тобой чаевничали, где теперь
стоишь, растерян и сутул,
и шепчешь: «Вот что будет с нами,
когда не вор, а гость иной войдет без стука в эту дверь».

Смотри: осколки на полу,
гляди — нет рамы у портрета,
лишь молью траченная шаль и шапка, больше ничего.
Да вот сухой букет в углу с минувшего остался лета,
которого ничуть не жаль, ведь некому жалеть его...

Что лето! Жизнь прошла. О ней
я ничего, увы, не знаю,
лишь бормочу её, во рту валяю терпкие слова.
Постой, к приходу теплых дней
(к апрелю, может, или к маю
поближе) эту пустоту ты наведишь опять, едва

сойдет усталая вода, и на весне сосредоточен,
мир примет новые черты — здесь, возле дома твоего.
Давай поговорим тогда о смерти снова и о прочем,
о чем, увы, ни я, ни ты не знаем, в общем, ничего.

* * *

Ты сошел с электрички, как сходят обычно с ума.
В этом дымном пейзаже опять ничего не узнав, ты
по платформе прошел, где прошла перед этим зима,
и на землю ступил —
как на лунную пыль астронавты.

Одряхлевшего дома несносен открывшийся вид.
Лошадиные ребра теплиц... От унылого взгляда
твоего это всё очень скоро листва заслонит —
для того и придумана вся бутафория сада.

Будет бабочек бал на краю самой черной дыры,
и наполнится слух колокольчиками Птицелова.
Нам природа готовит лоскутные эти дары,
занавески ажурные — за неимением другого.
Ну а как с остальным? Разговорами, полками книг,
посещением оперы, тяжким запоем работы
ты спасайся, как можешь.

Но взор утомленный приник,
непослушный, к стеклу,
за которым не виды — пустоты.

Уезжай, уезжай из апреля бездомного прочь,
променяв этот мир на грошовый уют электрички,
и поняв, наконец, что никто нам не сможет помочь...
Долгожданной весне улыбайся во сне по привычке.

* * *

На даче в дождливое лето
за чаем весь день напролет
проводишь, скучая, а где-то
другое столетье идет.

На прудик, покрывшийся ряской,
зевая, глядишь из окна,
а где-то о берег Троянский
бессонная бьется волна.

И мокрая гнется рябина,
и дождь перестал, наконец,
и мокрую спину дельфина
кудрявый увидел гребец.

О, берег обещанный вскоре
появится. Ну а пока
есть только бескрайнее море
и над головой облака.

* * *

Пейзаж перечеркнут железной дорогой и ЛЭПом,
но было бы хуже, наверно, без этих деталей.
Я взял бы их в рай, чтобы вечным каким-нибудь
летом
блестели бы вышки, вдали поезда пролетали.

Еще бы я взял этот куст, этот жалкий шиповник,
и жимолость эту, и этот терновник несчастный.
Тут просится в рифму и в райские кущи —
крыжовник
(мне Чехов, надеюсь, простит
этот кустик мещанский).

А если позволят, забрал бы весь сад до забора.
А там, за забором пускай обитают соседи.
И если продолжить в порядке подобного вздора,
то въехать туда — непременно на велосипеде.

Вот видишь — ты хочешь о рае, а пишешь о даче.
Бессильна фантазия вырастить сад небывалый.
Жасмином и вишней заполни Эдем, а иначе
о собственной смерти и думать не стоит, пожалуй...

Дождь

I

Мы не умрем, пока, шепча и плача,
он топчется за дверью. Ничего,
что вынуждена вымокшая дача
выслушивать все жалобы его.

Мы будем жить, пока, у нас воружа
бесценный день, нас держат взаперти.
Мы не умрем сегодня, говорю я,
поскольку время замерло в пути,

поскольку мир, прислушиваясь, замер,
забыв себя, остановив свое
сердцебиенье, мокрыми глазами
разглядывая мокрое белье,

которое с веревки не убрали.
И куст в окне тревожится за нас:
боится, что мы вынесем едва ли
бессмертия нахлынувшего час.

II

Он кончился, но есть еще минута,
когда ничто не ясно. В тишине
нежданный гость, без стука в дверь, к кому-то
проходит в дом, невидимый, и мне

становится не по себе от мысли,
что этот гость... Но нет, не называй...
Лишь только то, что видишь, перечисли:
сирени куст и неба светлый край,
трава, белье забыто на веревке,
велосипед под яблоней блестит.

Застыло все. Но после остановки
еще быстрее время полетит.

И мысль твоя, опять опережая
его в пути, торопится туда,
где наша жизнь проходит, как чужая,
и где другая капает вода;

где серебристой галочкой нечетко
на небе нарисован самолет,
где поезда стучат свою чечетку,
и смерть, как ливень, по земле идет.

* * *

То был июль — иль это в августе
произошло? Постой, постой!
О чем, бишь, я? Ах да, о радости,
о вишне, солнцем налитой,

о трепете стрекозых радужных
и белых бабочкиных крыл,
о пляже, Оредеже, надо же,
все перепутал, все забыл!

Тот день является без робости
среди зимы. Но вспомнить мне
мешают частности, подробности,
что главным было в этом дне,

что не дает забыть напыщенный
свистящий сад, сосновый лес,
детальями перенасыщенный
мир — от корней и до небес.

* * *

А славное было лето!
Таких не бывало дней!
Вот так же о жизни где-то
мы скажем, прощаясь с ней.

Вот так же о ней, далекой,
потерянной навсегда,
с такою же грустью легкой,
с такой же улыбкой... Да?

Вот истинное величье —
без ужаса и тоски
какое-то пенье птичье,
какие-то васильки

без жалкой мечты, без хлипкой
надежды всё повторить,
в беседе ночной с улыбкой
вспомнить и позабыть.

* * *

Когда за окнами, тяжел,
январь пургу завертит,
я вспомню пляжный волейбол
за пять минут до смерти.

Хотя подумать о другом,
наверно, не мешало б,
но память легкая — бегом
за мячиком — без жалоб,

без лепетания, без слез
(кто это все услышит,
когда за окнами мороз
и смерть на стекла дышит!) —

туда, туда, за пять минут
успеть в поселок дачный,
где куцый пляж и мутный пруд,
но день такой удачный:

один из тех нескучных дней,
когда глазел на икры
партнерши, все мечтая с ней
сыграть в другие игры...

Но жизнь проиграна, и матч
уже отыгран, что ли?
И солнце, легкое, как мяч,
перелетело поле.

* * *

Вот метафора — ночь, и, входящий в метафору, ты
ощущаешь сквозь толщу слоистой ее черноты
копи взоров живых, на тебя устремленных извне.
Кто, внимательно-тих, примостился на той стороне?

Кто так зорко следит за блуждающей жизнью твоей?
Что за птица глядит из невидимых глазу ветвей?
Птица певчая дрозд или филин в засаде сидит?
Нет, внимательней звезд
на тебя здесь никто не глядит.

Это звезды — о да! Их сплошной совокупный зрачок.
Ты и сам, как звезда, постигающий ночь новичок.
Нет, не птицы — лучи затевают с тобой перегляд.
Это звезды в ночи
не друг с другом — с тобой говорят.

И поэтому ты о бессмертии думаешь тут,
не боясь темноты и безудержной спешки минут,
тяготения лет; постигая, что, в общем, не плох
даже этот рассвет, что тебя застигает врасплох.

* * *

Один мой знакомый, разумный вполне,
полжизни назад мне казался пророком.
Он часто печалился: этой стране
пять лет, даже меньше, отмерено роком.

А книги! Бумажный вещатель свое
отжил окончательно, года четыре —
не больше протянет такое старье.
Я думал: как кисло в изменчивом мире

мне будет совсем уже скоро — без книг,
без родины — милой, хоть и бестолковой...
Я, помню, тогда основательно сник.
Но годы прошли, и мой добрый знакомый,

ошибкой в прогнозах ничуть не смущен,
продолжил пророчить грядущие казни,
крушение столиц, окончанье времен...
Но слушал его я уже без боязни

и даже посмеивался втихаря.
Но вечером летним, окно открывая,
увидел, как плавится в небе заря
и медленно бледная синь неживая

ее заливают. И меркнувший свет,
и где-то за стенкой внезапная скрипка
меня убедили: в пророчествах лет
десяток-другой — не большая ошибка.

* * *

Я не умею ненавидеть крысу...

Ася Климанова

Я тоже — как и ты — не научился
народ хвостатый гнать и ненавидеть.
И Крысолов с его супероружьем
всё более внушает трепет мне.

Но дело ведь не в дудочке, а в крысе
с ее душой и абсолютным слухом.
Быть музыкою к гибели ведомым
какому существу еще дано?

Когда бы говорить они умели,
вернее, если б мы их понимали,
они бы нас смеяться научили
тщете земных ловушек и отрав.

И если бы у нас зашла беседа
о музыке — они бы нам сказали,
что только к ней и можно относиться
всерьез. Не к смерти. Дудочка, играй!

* * *

Когда я в рай однажды попаду,
там, вероятно, будет много снега,
таинственно подсвеченного с неба
звездой, напоминающей звезду —

ту самую, и по дороге той,
во тьме напоминающей дорогу
знакомую, земную, понемногу
с мешком даров я побреду домой,

там, в бестолковом, суетном жилье
знакомый смех застать предполагая,
где трапеза готовится благая
с шампанским и бессмертным оливье.

О, если рай — не выдумка, то в нем
как в детстве, пахнет коркой мандаринной,
и мир сплошной пуховой периной
лежит в непостижимом сне своем.

* * *

Если прав тот несчастный физик, и мир един
в бесконечности вариантов, где мы едим,
спим, живем, умираем, плачем, но всякий раз
по-другому, почти вот так же, как здесь, сейчас,

но не так, иначе, ах, если он прав, тогда
навсегда никуда не может утечь вода,
и в нее мы входим даже не дважды, а
миллиарды раз, и эта вода жива.

Это значит, что даже в смерти покоя нет,
и в крошечной тьме обязательно бьется свет.
И в пустом саду, наклоня к лицу жасмин,
ты со мной говоришь сейчас, а не с ним, не с ним.

* * *

Разойдутся шумливые гости,
ты устало посмотришь в окно,
в спины им запоздалое «Бросьте!»
вяло бросишь. Не все ли равно,

если горы словесного сора,
вороха непрощенных обид
и предмет полуночного спора
позутру новый снег забелит?

И не злость, не унынье, не зависть,
не презренья грошового лед —
только к жизни внезапная жалость
протрезвевшее сердце сожмет.

* * *

Бесплодные усилия пера
беспомощного с грустью наблюдая,
я думаю: «Пора, мой друг, пора
уж перестать марать листы. Пустая
затея — в литераторы игра.
Ты не поэт. Вот истина простая».

Но высказать — не приведи Господь!
Насупится, обидится, озлится.
Скрипи ж, перо, стареющую плоть
сгибая над столом. Душа, как птица,
пари, не в силах страсть перебороть.
Не слушай нас, небесная жилица!

О, если б знали мы, какой восторг
рождается, какой священный трепет
в груди его! Какую песнь исторг
тот, *внутренний* певец! А этот лепет,
бессонниц мизерабельный итог,
пускай вотще досужий критик треплет.

Но тайный жар одобрит Аполлон!
В горсти его душа поэта птичья
найдет приют желанный. Только он
оценит страсть и замысла величье,
лишь он расслышит мелодичный звон
сквозь жалких слов непрочное обличье.

Времена года

I

Бывает, летом ждешь, когда настанет лето —
другое, лучшее. Казалось бы, тебе-то
чего еще хотеть, блаженный отпускник?
О чем тоскуешь ты? Чего опять ты сник?

Но осень-нищенка уже костлявой веткой
в окно твое стучит, и под одежкой ветхой
не спрятать миру всей своей, твоей тщеты,
и смыслом обделен, встречаешь зиму ты.

II

На свете счастья нет, но есть мороз и солнце.
Гляди — та лыжница, что мимо нас несется,
не замечая нас, в кого-то влюблена —
не это ль наша жизнь? О да, она, она!

Пусть равнодушна к нам, но как зато красива!
Спасибо ей за то. Да и за всё спасибо:
за этот славный день, за снег и пару лыж.
Хоть смысла нет ни в чем, ты верно говоришь.

III

И жизнь бессмысленна, и Бога нет, конечно.
Но желтоклювым клеткотом скворечня
опять наполнится... Ах, всё, конечно, ложь,
бессмыслица и бред, но как ты запоешь,

когда врасплох тебя застигнут где-то между
уныньем и тоской, когда весну-невежду
не переспоришь ты, впадая в немоту,
горстями воздух поднося ко рту?

Октябрь

Невроз берез, еловый перебор...
Ольха трясется в лапах у Борея.
Природа произносит: «мутабор!»,
неправильное ставя ударенье.

Природа произносит приговор
всем бабочкам своим, цветам и птахам,
и ангелов лесных из теплых нор
прогнать идет. Весь воздух перепахан

ветрами и тревогами, опять
скворечни дач готовы обезлюдеть.
Природа обезумела, не ждать
нам милостей ее, не пить из блюдец

лесных озер крутой нектар небес,
настоянный на тишине и свете.
Обобранный до нитки, никнет лес,
и мысль твоя о миновавшем лете —

как мысль о жизни прожитой, в мозгу
чьего-то остывающего тела,
которая занозою засела
и канула иголкой в стогу.

* * *

Am Abend tonen die herbstlichen Walder...

G. Trakl*

Знакомый лес всё больше сер и скорбен
по мере приближенья к ноябрю.
Иду к нему и — sterben — starb — gestorben** —
глаголы из учебника зубрю.

Вот символ умирания, не так ли?
Но как возможно эту мысль облечь,
не думая о Гейме или Тракле,
в немецкую рокошущую речь?

Переведи: «Туман плывет над полем».
«Der Nebel zieht...» Но трудно продолжать,
опять узнав, что воздух тленья полон.
Вдохнуть его — как будто яд принять!

Вдохнуть его — и ничего не надо.
Чужая речь всё сделает за нас,
оставив нам роскошество распада
и умиранья ненапрасный час.

---

* Вечером звучат осенние леса... Г. Тракл

** Умереть.

* * *

Мы как в раю живем теперь у леса,
купаемся и обедаем сливы
хозяйские. Крыжовник тут с кулак.
По вечерам, когда гоняет бесов
сосед Ефим, мы гасим свет трусливо
и слушаем далекий лай собак,

и смотрим, как в надтреснутом оконце
небесная брусника набухает.
Что говорить — мы счастливы вполне,
пока за лесом где-то бродит солнце,
пока сверчки, пока Ефим бухает,
и мир стоит как будто в стороне.

Мы как в раю живем — не странно ль это?
Как будто бы не отпуск — отпущенье
грехов мы получили, я и ты.
Как будто бесконечным будет лето,
как будто не грозит нам возвращенье
из этой захолустной темноты,

в которой мы о времени забыли...
Но выйдет срок, как месяц из тумана.
Нас, похмелившись, довезет Ефим
до полустанка на своей кобыле.
И вот, в окне вагона-ресторана
растает лес, и мы растаем с ним.

* * *

Посмотри, как легко свой бессмысленный свет
нам погибая дарит звезда.
Будет вечер, я выйду купить сигарет
и уже не вернусь никогда.

Пролетит электричка, печально трубя:
ты куда — никуда — навсегда ль?
Я сойду где-то там, где теряет себя
и сливается с будущим даль.

Кто-то скажет, что видел меня через год
в чебуречной на станции «Ч»:
бородатый, с шарманкой — стоит и поет,
и сидит попугай на плече.

Кто-то скажет, что я притворился травой,
что я сделался тише воды
там, где с небом смыкается лес вековой
и туман застилает следы.

Треугольная ель и дымок от костра,
Млечный Путь, и луна — ноготком.
Загрустив обо мне, на асфальте двора
нарисуй это детским мелком.

* * *

Я закрою глаза, опустившись на стул у окна,
растворенного в сад, погружаясь в усталую дрему,
и пойму, наконец, из чего состоит тишина,
вместе с тенью ночной к моему подступившая дому.

Я закрою глаза и услышу и шепот, и плач,
пролетевшую жизнь, словно строчку чужую,
припомнив,
я закрою глаза, потому что лишь тот, кто незряч,
может это расслышать в вечерней возне насекомых.

Это будет уже не хитиновый шорох смертей,
а другое, другое; не шелест листвы, а — иное...
Я на стуле усну в ожидании важных вестей
с мотыльком на плече,
и с волшебной Твоей тишиною.

III

* * *

Уходит день за дальние поля,
блестит вдали моей звезды осколок.
Жизнь просится быть начатой с нуля,
и выхожу один я на проселок,

жуя ежевечерний бутерброд
рефлексии под ветра злую фугу,
и думаю, что я иду вперед,
иду вперед, а сам хожу по кругу.

А если так — то лучше не спеша
наговориться с грустной моею
душою, хоть слова «моя душа»
в который раз произнести не смею.

Душа моя — такая уж моя?
Не видно мне, о Господи, не ясно,
где Ты кончаешься, где начинаюсь я..
Мне спрашивать об этом ежечасно,

и мне — нести ответственность — за нас,
за нас с Тобой, поскольку Ты в ответе
за эти сумерки, за этот поздний час,
за эту тишину и звезды эти,

за тень мою, что с темнотою ночной
уже слилась... И если я заплачу,
заплачешь Ты — Тот, Кто рискнул со мной
и разделил со мною неудачу.

* * *

Каждый охотник желает знать...
Каждый охоту имеет спать,
если сгустилась над миром ночь.
Каждый желает, и как помочь

каждому, кто нацепил пальто,
вышел на улицу и узнал:
все нам дано, но дано не то,
вовсе не то, чего он желал.

Или узнал, что он сам — не тот,
вовсе не тот, вот такой компот.
...Ночь подступила к его глазам.
Если бы знать, где сидит фазан...

* * *

Жизнь перестала быть таинственной
примерно с тридцати пяти.
Ни в тишине широколиственной,
ни в городских, как ни крути,
туманах тайны нет, и прежнего
волнения тоже нет, когда
глядишь на дом эпохи Брежнева,
в окне которого звезда
мерцает тихо, будто в проруби.

...Там проживала, в том окне
сама таинственность, и голуби
с карниза на голову мне
не гадили, но понимающе
урча, забыв про птичью спесь,
меня, как старого товарища
по вечерам встречали здесь.
И слыша смех ее из форточки,
я улыбался, как debil.
Печалился. Присев на корточки,
закуривал. И счастлив был.

* * *

А помнишь, как в траве гонялись за ужом,
как по реке на лодочке катались?
На свалке памяти копается бомжом
несытая твоя сентиментальность.

Какая связь между тобой и им,
ловцом пиявок банкою консервной?
Вот общие черты: мечтателен, раним.
На этом — всё. Еще, пожалуй — нервный.

Не маловато ли? Не слишком ли далек
унылый обитатель зазеркалья
с глазами-сливами, твердящий, как урок:
«Не мы такие — жизнь такая»,

от говорящего: «Вот вырасту и ста...»
(героем, летчиком, красавцем с пистолетом),
ныряющего в облако с моста
бревенчатого? Не спеши с ответом,

пусть будет что-то общее еще
у этих двух, пока им лето снится,
пока *там* стрекоза садится на плечо,
а *здесь* — летят слова и пыль на стол ложится.

* * *

Однажды утром, встав из-за стола
и подойдя к окну неторопливо,
ты вдруг поймешь, что молодость прошла
и благодарно скажешь ей: «Счастливо!»

Когда-нибудь вот так же, невзначай
ты все поймешь и тихо, без истерик
ты жизни скажешь: «Милая, прощай!» —
и отплывешь на безымянный берег.

И что-то там останется стоять —
не тень твоя, оставленная в мире,
а просто стол и стулья, и кровать,
и столбик тишины в пустой квартире.

А за окном — все те же тополя
останутся и две скамейки в сквере,
а дальше — город, лес и вся Земля
продолжат быть, не ощутив потери.

И только где-то, может быть, едва
держась в строфе на полустертых рифмах,
внезапно оживут твои слова,
и кто-то будет рад, проговорив их

по памяти кому-то, о судьбе
поэта вспомнив... Но, прошу прощенья,
ни к отлетевшей жизни, ни к тебе
все это не имеет отношенья.

Рождествено

Он сделал фотоснимок: под навесом
тяжелых облаков запечатлев
разлив реки и холм, покрытый лесом...
Не лесом, нет — собранием деревьев,

лишенным суеты столпотвореньем
дубов и кленов, вязов и берез.
И, удивлен их медленным пареньем
над домом рыб, лягушек и стрекоз,

он телефон за пазухой нащупал,
припав к окну в автобусе пустом.
Храм тишины, широкошумный купол
схватил нажатьем кнопки, и потом

весь год смотрел на фото, под вопросом
держа существование всего,
что видел он: реки, холма за плесом,
да и себя, пожалуй, самого.

Он вызубрил тот берег по картинке,
в полубреду он сам себе шептал:
«Вглубь тишины по медленной тропинке,
по анфиладе полутемных зал...»

И вот однажды, кажется в апреле,
не вытерпел. Поехал. Без листвы
лесные дали сквозь себя смотрели,
земля свои показывала швы.

И вот — разлив реки за поворотом
дороги показался. Он готов
увидеть дальний берег. Вот он! Вот он,
прозрачный лес оградок и крестов.

Волшебный холм явил поэту гробы?
Какой сюрприз! Но не об этом речь.
Речь о другом. Он думал: «Хорошо бы
когда-нибудь на склоне этом лечь

и не бродить по элизейским чащам,
а спать в зеленом доме, где смогу
присниться самому себе стоящим
на противоположном берегу».

* * *

Сидящая напротив женщина
пестра, как елка в Новый год.
О Боже, сколько же навешано
на ней, как ярлок этот рот!

Сладка, наверно, как пирожное.
Сидишь и думаешь с тоской:
какая пошлость невозможная
была б жениться на такой.

Чужая жизнь... Зачем? К чему она?
Куда вагон ее везет?
Но как бы ни было задумано,
ты в ней — всего лишь эпизод.

Зевает зритель невнимательный,
но продолжается кино.
Ты в нем статист необязательный:
уйдешь — заменят все равно.

Уйдешь — умрешь. А как иначе, ведь,
из поля зрения пропав,
начнешь стремительно утрачивать
непрочный, хлипкий свой состав.

И вот, разложенный на атомы,
спешишь смотреть свое кино.
Глядишь на лица. Все куда-то мы
спешим, умершие давно.

* * *

Когда он решил застрелиться,
он вышел в растрепанный сад,
где ветру безвестная птица
подвсисывала невпопад.

Всё было в саду одичалом
нелепо, как жизнь, и рука
сама за прохладным металлом
скользнула в карман пиджака.

Но ива вздохнула тоскливо,
но в руку вцепился, шепча,
крыжовник, и синяя слива,
качнувшись, коснулась плеча.

И жалости нежное жало
пронзило его, и пронзен
догадкой о том, что мешало
ему, вдруг почувствовал он

(виском ощутив пистолета
нездешне-холодную сталь),
что жалко не жизни, а лета,
и сада нелепого жаль.

Он плакал (заметив едва ли,
как птица метнулась в листе).
И бабочки танцевали
в простреленной голове.

* * *

Уйти, и как можно скорей, —
застрянет мыслишка простая.
Но мокрой ладонью Борей
тебя по щекам отхлестает.

И вот ты очнулся, и вот —
всей жизни видна подоплёка.
...Лишь ради тебя, идиот,
он в миг прилетел издалёка,

боясь не успеть — напрямик:
сквозь лес и завесу сирени,
чтоб вырвать из рук черновик
предсмертного стихотворенья,

чтоб выдуть трухи вороха —
остатки дурного недуга,
чтоб сад на тебя замахал
руками, дрожа от испуга.

* * *

Некто следит за нами. Тот самый Некто,
что зажигает звезды и фонари нам...
Скажем, вот утром глянешь в окно, а снег-то,
батюшки светлы! И тени — ультрамарином

от тополей косые... Знакомый метод.
Это как папа показывал обезьянку,
чтобы не ныл, успокоился — так и этот
Кто-то «Агу» говорит и сует обманку

прямо тебе под нос, и ты рад стараться,
рад этим детским фокусом обмануться.
Что, из ружья охотничьего стреляться
тает охота?

Когда ж ты успел разуться,

палец большой на крючок спусковой, а дуло
сдвоенное — для верности — прямо в сердце?
Жизнь, понимаешь, бедного, обманула...
Моцарт смеется, рядом играют скерцо,

рейнское пьют, говорят о парижских модах,
о Бомарше, о чьей-то тираде колкой,
и — о стихах, о розах, о вешних водах,
и — о тебе с дурацкой твоей двустволкой

плачущем тут в обнимку. И в чем же дело?
Просто за стенкой радио заиграло.
Просто остался жив, не достиг предела.
Вроде пустяк, и все же, не так уж мало.

* * *

Я написал ему sms:
«Привет! Как дела? У нас
всё как обычно. Мне скучно без
тебя. Я с твоей сейчас

чокаюсь фоткой, где, как всегда,
ты тянешь ко мне стакан».
Я бы ему не писал тогда,
если бы не был пьян.

А раньше, бывало, напьётся он
и пишет мне всякий бред.
Я тяпнул ещё, отложив телефон,
и вдруг — получил ответ...

«Ну здравствуй. Я в норме. Тут ничего».
Я не упал едва.
Потом догадался: скорей всего,
жена, виноват, вдова

мне подыграла, никто иной,
с юмором и слезой.
Видно, не зря собутыльник мой
звал её стрекозой.

Когда бы такая была дана
возможность, я б написал,
как по нему до сих пор она...
А впрочем, он знает сам.

* * *

Вот накаляется опять
вольфрамовая нить —
не чтобы что-то освещать,
а просто так светить.

И просто так стоит в углу
из тьмы возникший стол,
как полагается столу,
квадратен и тяжел.

А рядом — стул. Он просто так
стоит. Он просто — есть,
всегда готовый в вечный мрак
опять с ногами влезть.

Но нет! Пока дрожит струна
вольфрамовая, тут
главнее лампочка. Она —
предметов Страшный суд.

Вещей печальных череда
вздыхает перед ней:
«О, не гори, моя звезда!
Погасни поскорей!

О, дай нам не существовать,
бессмысленная нить!»
И я потороплюсь опять
на кнопку надавить.

* * *

Проснулся и видит: лунной циферблат
висит, и едва различимы, лежат
на стуле таблетки, тетрадь, Пастернак,
раскрытый на «Августе». Медленно мрак
теряет упругость и плотность, и вот
он видит всё то, что во мраке живёт
какой-то бесплотной, иной, потайной,
загадочной жизнью. Проснулся больной,
забывший, что болен, забывший на миг
всё то, что из жизни он знал и из книг;
проснулся и видит, но вспомнить никак
не может: облатки, тетрадь, Пастернак...
От них отделенный какой-то межой,
не может понять, почему он чужой
всему, что его окружает опять,
пытаясь взглянуться в него и понять,
узнать своего в том, который глядит
и не понимает, но делает вид,
что — свой в этой комнате этим вещам.
Но кто же он, кто же он, кто же он сам?
И кто там лежит, одеялом накрыт?
Проснулся — и вдруг понимает, что спит.
Конечно, конечно, всё снится ему,
иначе никак не понять, почему
он это больничное видит бельё,
и книжку на стуле, и тело своё.

* * *

Василию Русакову

В геодезическом азарте,
в кору земную влюблена,
на пыльном поле, как на карте,
все ставит крестики она,

труды свои не прекращая,
ландшафт меняя навсегда
и человека превращая
в объект недвижимости. Да,

все ищет смысла спелеолог,
как ты искал, геодезист.
На жизни мраморный осколок
садится пыль, ложится лист.

Как грусть твоя понятна мне! Но
еще и то сближает нас,
что непременно, несомненно
придет она. Настанет час,

когда, не внемля нашим лирам,
но ветру лишь да воронью,
своим холодным нивелиром
блеснет и в сторону мою.

Голос

Третий год пошел, как нету тебя в живых,
а — вот чудо — голос! Голос остался здесь,
говорит, поет. Ничего, что шершав и тих.
Это значит — правда? — что не умирает весь

человек, что мы оставляем себя чуть-чуть,
а в частице — верно ведь? — целое заключено.
Это значит — да? — что мы, отправляясь в путь,
остаемся все-таки дома.
О как смешно!

Он бы сам посмеялся, когда бы, конечно, смог,
как сейчас смеется на записи этой он.
Да не он, конечно... Смех, что сбивает с ног,
это смех пустоты, подступившей со всех сторон,

это шорох частиц, летящих по проводам,
нет, не голос тени, а голоса тень, увы.
Но пускай звучит — отсмеявшаяся вода,
шепоток лесной прошлогодней листвы, травы...

* * *

Когда по кладбищу, задумчив, я брожу
и вижу то, что видел *он*, быть может —
остатки роскоши: чугунный абажур
пустой гробницы, мраморная кожа

увечных ангелов, гламур могильных плит,
где даже орфография — как символ
забвения и смерти: «Прав пиит,—
я думаю. — Смешно и некрасиво

ему казалось это всё тогда —
решетки, столбики. Танатоса грибница».
Но двести лет спустя пришедшему сюда
другое видится, совсем иное снится.

И вот, отмытый временем, гранит
уже не смотрится торжественно-нелепо,
и нечто большее, чем просто прах, хранит
базальт купеческого склепа.

Сан-Микеле. могила Дягилева

На его надгробии пуанты
балерин истлевшие лежат.
Треплет ветер выцветшие банты,
как у тех промокших медвежат

плюшевых, ты помнишь, на могилке
детской в Петербурге... Что за дрожь!
Из прорехи влажные опилки
высыпались... Лучше не найдешь

символа. Кошмарней о распаде
что еще поведает? Не плит
этих глянец, точно на параде
выстроенных. Камень устоит

как бессмертья ширмочка-обманка,
да и та уже не без прорех.
На галерке смерть-балетоманка
рукоплещет. Ищет. Видит всех.

Елисавете Кульман

Объявите молодой писательнице от моего имени, от имени Гете, что я пророчу ей со временем почетное место в литературе...

Гете

*Ах, тебе ли, горной розе,
Было цвести в тяжелой мгле,
В душегубящем морозе?*

Кюхельбекер

Я выключу мобильный,
войдя в Элизий твой,
а ты — травой могильной
и палюю листвою

прошелестишь: «Меня нет...».
Но не спеши: пиит
нет-нет, тебя помянет
и Шуман прощумит

там, где оранжерея
гранитная для роз,
там, где под вой Борея
и твой побег пророс,

где внемлющий прибою
широкошумных толп
увенчанный тобою
стоит, как прежде, столп.

А впрочем, может статья,
всё это — лишь мираж,
как веймарского старца
пророческая блажь.

Всё кончится при свете
пастушеской звезды,
и тени канут эт
в объятьях лебеды.

Могила младенца

— Ну и как там, в земле? Каково быть прахом?
Говорю и не знаю, куда смотреть,
потому что погост твой давно распахан
под озимые. Впрочем, зарос на треть
уже лесом он. Все свое природа
возвращает быстро. Но помню я:
здесь была могилка одна. И года
ему не было... Семечками плюя,
пьяный некто мимо идет по тропке,
и не скажешь: «Стой! По костям идешь!»
Через год здесь будут стоять коробки
из бетона, ездить такси... Ну что ж,
неизвестно, кому повезло — тому ли,
кто вот так, не отведав житейских блюд,
не вкусив беды, не словивши пули,
навсегда положен под этот спуд?
Если ж прах шевельнется: «Слепите снова
из меня кого-нибудь!» — что тогда
нам сказать ему? Показать бухого
вон того прохожего? Города
в их чаду и сытой тоске? А может —
над пустыней снежною миражи?
Самый лучший — век, что никак не прожит.
Будь землею вечно. Лежи, лежи.

* * *

Каких по счету похорон
я стал скучающим статистом?
В челне, от пыли серебристом,
татуированный Харон
поник, Морфеем покорен
и первым соловьем освистан.

Пока он спит в кабине, нам
судьба топтаться возле гроба,
где возлежит с улыбкой сноба
красавец в сотню килограмм.
Признаться, мне не по плечам
сия весома особа.

И если честно, не по мне
глядеть на эти загородки,
ни слез, ни дрожи в подбородке
не ощущая, в стороне
не о теще подлунной, не
о смерти думать, а о водке

и колбасе, что на капот,
покрыв его газетой «Вести»,
уже принять успевший двести,
усатый родственник кладет
и что-то там под нос поет,
забыв о времени и месте.

* * *

На Серафимовском, в начале
неунывающего мая,
не в трауре и не в печали,
а так, без повода гуляя,

и плиты черные минуя,
и на ходу читая даты,
не то, чтоб чувствовал вину я
из-за того, что не в солдаты

определился в девяносто
лихом четвертом, а в студенты
(едва хватило баллов, просто
свезло), но вид истлевшей ленты

и вытравленные на камне
портреты из солдатских книжек...
Как будто совестно слегка мне
среди ровесников-мальчишек

в весенний день, почти что летний.
И клен, как дембель, нарядился...
А этот вот двадцатилетний
в один со мною день родился.

* * *

Я — человек, переходящий поле
на фоне остывающего дня.
Слегка сутулый. Мужеского пола.
Из поезда вы видите меня.

Я частью заурядного пейзажа
в окне возник на несколько секунд,
и вот — исчез. Не велика пропажа.
Мое существование пресекут,

сменив картинку — показав овражек
и дальний лес, и ферму вдалеке,
и скучную толпу многоэтажек,
пока томится курица в фольге,

пока, томясь в дорожном разговоре,
вы будете поглядывать в окно
и думать про обещанное море,
и море вдруг появится. Оно

в немолчном плеске, в непрерывной пляске
зальет собой вагонное стекло,
вобрав в себя все линии и краски,
запомнив всё, что было и прошло.

И всё пребудет в нем — трава и камни,
раскаты грома и гуденье пчел,
и стук колес, и поле с васильками,
и человек, что поле перешел.

* * *

Нет, не землей, не песком — обожженной глиной
жизнь завершается. Если была недлинной,
но получилась — что ж, небольшой сосуд
в тайное место бережно отнесут.

Мастер не спит, не мается от безделья.
Лишь иногда осматривает изделия —
плошки, свистульки, глиняные цветы.
Что там, в углу? А что если это — ты?

Будет ли Он работой своей растроган?
Будет ли вазы перебирать с восторгом
или стыдливо их отставлять назад,
Сам от Себя растерянный пряча взгляд?

Новая глина ляжет на круг гончарный,
и повторится трепет первоначальный.
Он и не знает, выйдет ли что-нибудь,
медля немного и сомневаясь чуть.

* * *

Со временем убеждаешься в правоте
того, кто ведёт тебя за руку в темноте
спокойно, не оборачиваясь на твой
лепет и вой, лишь шепчущий: «Бог с тобой».

Это о ком он? — думаешь ты. — О ком?
Не о Себе ли будничным шепотком
походя сообщает? А если нет?
Кто же ведёт меня за руку столько лет?

Сколько сомнений, страхов и лживых слов!
Сколько провалов, выступов и углов!
Где же просвет? Ты падаешь и встаёшь,
щурясь от света, ушибленный локоть трёшь.

* * *

Он этот мир еще хоть как-то терпит,
я полагаю, только потому,
что всякий раз испытывает трепет,
приблизившись к ребенку твоему.

Не дым и звон, не праведников кучка
разящую удерживают длань,
а мокрый нос и маленькая ручка,
немилосердно рвущая герань.

Устал Господь. Он руку поднимает
махнуть на все. Но ради малых сих
откладывает, хоть и понимает,
кто` очень скоро вырастет из них.

Их лепетом спасается планета,
и в том числе — паршивца твоего.
За мятую герань, поверив в это,
пожалуй, не наказывай его.

* * *

Не бойся, Господи, я с Тобой!
Ты не одинок в ночи,
когда спускаешься, как в забой,
на землю, где — хоть кричи,

глухо, безлюбо и нет огня,
где я брожу, незряч.
Не бойся, Господи, за меня,
не плачь обо мне, не плачь!

Не бойся, Господи, я с Тобой!
Смотри, я уже иду
на дальний свет голубиный Твой,
лесную Твою звезду.

Я вышел в путь, чтобы нам помочь —
слышишь — настанет час —
кончится хаос и канет ночь,
что разделяет нас,

ангел взвьется в зенит, трубя...
Главное — не забудь
верить в меня — как я в Тебя
буду когда-нибудь.

Содержание

I

«Нет, наверное, рай — это все-таки город...».....	4
«Чем же я заслужил...».....	5
Ниен.....	6
«И Малая Конюшенная улица...».....	7
«По улице Потемкинской в потемках...».....	8
Герцена, 14.....	9
«Двор в дожде как раковина звучит...».....	11
«Бывает, выйдешь осенью во дворик...».....	12
Нева.....	13
Офицерская, 57.....	14
Московский романс.....	15
«Ни эллина, ни иудея...».....	16
«Как хороша бессмыслицей своей...».....	17
Больница.....	18
«Весна-француженка бежит по магазинам...».....	19
«Я шел по Петроградской стороне...».....	20
«Договоримся: жить и не строить планов...».....	21
В прихожей.....	22
«Мелькают лица в пластиковой раме...».....	23
«Тревожная, злая, сырая...».....	24
Венеция.....	25
«Еще весна со мной наедине...».....	26
Волхов.....	27
«Мы рая представить не можем...».....	28
«Святой Себастьян со стрелой в животе...».....	29
Саркофаг римлянина.....	30
Стрип-бар.....	31
«Зверь из бездны выйдет на нас, урча...».....	32
«С гвоздем возился Иоанн...».....	33
Орфей и Эвридика.....	34
«В какой-нибудь надцатый Новый год...».....	35
«Необъяснимая, та самая...».....	36

II

«Какое безумье — на дачу зимой...»	38
«О жизни — мне ли знать...»	39
«Ты сошел с электрички, как сходят обычно с ума...»	40
«На даче в дождливое лето...»	41
«Пейзаж перечеркнул железной дорогой и ЛЭПом...»	42
Дождь	43
«То был июль — иль это в августе...»	45
«А славное было лето...»	46
«Когда за окнами, тяжел...»	47
«Вот метафора — ночь...»	48
«Один мой знакомый, разумный вполне...»	49
«Я тоже — как и ты — не научился...»	50
«Когда я в рай однажды попаду...»	51
«Если прав тот несчастный физик, и мир един...»	52
«Разойдутся шумливые гости...»	53
«Бесплодные усилия пера...»	54
Времена года.....	55
Октябрь	56
«Знакомый лес всё больше сер и скорбен...»	57
«Мы как в раю живем теперь у леса...»	58
«Посмотри, как легко свой бессмысленный свет...»	59
«Я закрою глаза, опустившись на стул у окна...»	60

III

«Уходит день за дальние поля...»	62
«Каждый охотник желает знать...»	63
«Жизнь перестала быть таинственной...»	64
«А помнишь, как в траве гонялись за ужом...»	65
«Однажды утром, встав из-за стола...»	66
Рождественно.....	67
«Сидящая напротив женщина...»	69
«Когда он решил застрелиться...»	70
«Уйти, и как можно скорей...»	71

«Некто следит за нами. Тот самый Некто...»	72
«Я написал ему sms...»	73
«Вот накаляется опять...»	74
«Проснулся и видит: луной циферблат...»	75
«В геодезическом азарте...»	76
Голос.....	77
«Когда по кладбищу, задумчив, я брожу...».....	78
Сан-Микеле. могила Дягилева.....	79
Елисавете Кульман.....	80
Могила младенца	81
«Каких по счету похорон...»	82
«На Серафимовском, в начале...»	83
«Я — человек, переходящий поле...»	84
«Нет, не землей, не песком — обожженной глиной...»	85
«Со временем убеждаешься в правоте...»	86
«Он этот мир еще хоть как-то терпит...»	87
«Не бойся, Господи, я с Тобой!...».....	88

Александр ВЕРГЕЛИС
ОБЕЩАНИЕ СВЕТА
книга стихов

Корректор

Подписано в печать. Формат 84 108^{1/32}.
Бумага офсетная. Гарнитура PetersburgC.

Объем 2,75 п. л. Тираж ??? экз.

Заказ №

Оригинал-макет изготовлен и отпечатано
в ООО «ИПК «КОСТА»
СПб., Новочеркасский пр., д. 58, офис 413,
тел.: (812) 445-10-02

ISBN 978-5-91258-365-0

9 785912 583650